

УДК 947.085

doi:10.21685/2072-3024-2022-1-6

Повседневность тылового госпиталя на завершающем этапе Великой Отечественной войны (по материалам жалоб раненых и больных красноармейцев)

И. Н. Иноземцев

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

Kerskij@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Актуальность исследования определяется необходимостью получения качественно новых и разноплановых знаний, способствующих формированию объективной оценки деятельности органов и учреждений здравоохранения в военный период. Цель исследования заключается в реконструкции госпитальной повседневности Пензенской области на заключительном этапе Великой Отечественной войны на основе анализа жалоб раненых бойцов Красной армии. *Материалы и методы.* Исследование построено на анализе документов Государственного архива Пензенской области, а также материалов местной и центральной периодики. Центральное место занимают жалобы военнослужащих, находившихся на лечении в эвакогоспиталях Пензенской области в 1944–1945 гг. Документы более раннего периода (за 1941–1943 гг.) и какие-либо статистические данные по числу и проблематике обращений в региональном архиве не представлены. Анализ указанного корпуса источников позволяет осуществить реконструкцию повседневной истории эвакуационных госпиталей в «измерении» непосредственных получателей медицинской помощи – раненых бойцов Красной армии. Описание адаптационных практик раненых и больных, представленное в жалобах, нуждается в корреляции с оценками работников госпиталей, общественных организаций и государственных органов. *Результаты.* Изучены некоторые аспекты проведения источниковедческого анализа жалоб раненых и больных красноармейцев, выделена их основная проблематика. Осуществлена попытка определения степени достоверности воспроизводимых в жалобах перцепций госпитального бытия. *Выводы.* Проведенный анализ позволил выявить широкий круг проблем, с которыми сталкивались раненые, находившиеся на лечении в местных эвакогоспиталях: некачественное питание, низкий уровень материального и санитарно-хозяйственного обеспечения, хищения имущества, недостатки в организации лечения, нарушения воинской и трудовой дисциплины. Проведение сравнительного анализа сведений, полученных из значительного числа жалоб, с данными делопроизводственной документации позволяет судить о достаточно адекватном отражении экстремальной повседневности госпитальной жизни в сообщениях раненых.

Ключевые слова: военная повседневность тыловых регионов, Пензенская область, эвакогоспитали, жалобы, раненые и больные красноармейцы

Для цитирования: Иноземцев И. Н. Повседневность тылового госпиталя на завершающем этапе Великой Отечественной войны (по материалам жалоб раненых и больных красноармейцев) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2022. № 1. С. 68–78. doi:10.21685/2072-3024-2022-1-6

Everyday life of the base hospital at the final stage of the Great Patriotic War (by the example of complaints of the wounded and sick Red Army soldiers)

I.N. Inozemtsev

Penza State University, Penza, Russia

Kerskij@mail.ru

Abstract. *Background.* The relevance of the study is determined by the need to obtain qualitatively new and diverse knowledge that contributes to the formation of an objective assessment of the activities of health authorities and institutions during the war period. The purpose of the study is to reconstruct the hospital everyday life of Penza region at the final stage of the Great Patriotic War based on the complaints from wounded Red Army soldiers. *Materials and methods.* The study is based on the analysis of documents from the State Archives of Penza Region, as well as materials from local and central periodicals. The central place is occupied by the complaints of servicemen who were treated in evacuation hospitals of the Penza region in 1944–1945. Documents of an earlier period (for 1941–1943) and any statistical data on the number and problems of appeals in the regional archive are not presented. The analysis of the specified corpus of sources makes it possible to reconstruct the daily history of evacuation hospitals in the “dimension” of direct recipients of medical care – wounded soldiers of the Red Army. The description of the adaptation practices of the wounded and sick, presented in the complaints, needs to be correlated with the assessments of employees of hospitals, public organizations and government agencies. *Results.* Some aspects of the source analysis of the complaints of the wounded and sick Red Army soldiers are studied, their main problems are highlighted. An attempt was made to determine the degree of reliability of perceptions of hospital life reproduced in complaints. *Conclusions.* The analysis made it possible to identify a wide range of problems faced by the wounded who were treated in local evacuation hospitals: poor-quality nutrition, low level of material and sanitary support, theft of property, shortcomings in the organization of treatment, violations of military and labor discipline. Conducting a comparative analysis of the information obtained from a significant number of complaints with the data of office documentation allows us to judge a fairly adequate reflection of the extreme everyday life of base hospital in the messages of the wounded.

Keywords: military everyday life of the base regions, Penza region, evacuation hospitals, complaints, wounded and sick Red Army soldiers

For citation: Inozemtsev I.N. Everyday life of the base hospital at the final stage of the Great Patriotic War (by the example of complaints of the wounded and sick Red Army soldiers). *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* = *University proceedings. Volga region. Humanities*. 2022;(1):68–78. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3024-2022-1-6

Вопросы медицинского обеспечения Красной армии в годы Великой Отечественной войны в целом и история тыловых эвакогоспиталей (ЭГ) в частности довольно широко представлены в отечественной исторической науке. Однако рассматривать здравоохранение военного периода через призму истории повседневности стали сравнительно недавно. Очевидно, что дальнейшее развитие этого направления требует введения в научный оборот новых видов источников, одним из которых являются письма и жалобы отдельных категорий граждан, подаваемые в различные инстанции. К тому же

в контексте конкретно госпитальной проблематики жалобы лишь единожды становились самостоятельным предметом научной рефлексии [1].

При работе с подобными документами важно учитывать субъективизм оценочных суждений, производный от социального происхождения, профессионального статуса и общей культуры коммуникаций. Такая особенность, накладывая значительные ограничения на изучение социально-обусловленных репрезентаций и деятельностных стратегий раненого, порождает необходимость привлечения источников другого видового признака, например делопроизводственной документации.

Не лишним будет отметить анонимность многих обращений из-за угрозы возможного преследования. Этим, вероятно, и объясняется обратная реакция, когда в ходе проверок при опросах бойцов инспекторами ранее указанные в жалобах недостатки на словах не подтверждались пациентами или отрицались [2, л. 13; 3, л. 13, 22]. О желании минимизировать негативное влияние жалобы на дальнейшую судьбу отдельного бойца и повысить эффективность обращения говорит коллективный характер части жалоб [2, л. 45; 3, л. 9]. Так, среди исследованных нами материалов была обнаружена жалоба, число заявителей по которой достигало 11 человек [2, л. 50].

Исходя из вышеизложенного, целесообразно согласиться с вытекающим из идей А. Шюца утверждением М. А. Клиновой о том, что в силу снижения уникальной индивидуальности автора жалобы актуализируется проблема типизации [4, с. 302]. В связи с этим работа с данным видом источников в контексте реконструкции повседневности предполагает, во-первых, привлечение и анализ значительной массы жалоб; во-вторых, акцент на выявление общих универсалий, позволяющих типизировать поведенческие мотивы и программы, не игнорируя при этом полностью индивидуальные компоненты.

Предметный диапазон жалоб достаточно широк. Основная масса жалоб связана с **низким уровнем материального и санитарно-хозяйственного обеспечения тыловых госпиталей**. Значительная часть таких обращений затрагивала проблемы **организации питания и качества пищи**:

– «Исключительно безобразное питание... Первое блюдо изготовлено из полугнилой капусты с посторонними примесями... при получении первого блюда ран. больными были обнаружены в нем острые осколки цемента размером 0,5–1 см...» (здесь и далее орфография сохранена; ЭГ № 2916. Пачелма, 31 марта 1944 г.) [2, л. 15–16];

– «Зачастую дают такую пищу, что и кушать не хочется. В борще капуста большими кусками, да и к тому же с червями» (ЭГ № 2684. Нижний Ломов, без указания даты) [2, л. 44].

Обращения раненых красноармейцев также свидетельствуют о **нехватке спальных мест и принадлежностей, предметов личной гигиены, одежды, обуви, посуды и т.п.** Это ярко иллюстрирует письмо из ЭГ № 3567 (Лунино), направленное в НКЗ РСФСР 17 сентября 1944 г.: «...лежим на деревянных нарах, матрацы и подушки набиты соломой и их недостает в большом количестве... свирепствуют клопы... Ранбольные, имеющие 1 ногу не имеют возможности носить носок и тапки – их нет в госпитале... Посуда вся глиняная, ложек не достает. Кружками служат банки из-под консерв с шероховатыми краями. Белье всегда грязное» [2, л. 47].

Частыми были жалобы по поводу **плохого санитарного состояния помещений, отсутствия санитарно-профилактических мероприятий, перебоев в работе мест общего пользования**. Так, в обращении раненых ЭГ № 1649 (Пенза) в газету «Сталинское знамя» от 16 мая 1945 г. говорилось: «Баня происходит через 20–25 дней в следствии чего появляется вшивость. Санитарки ходят в грязных халатах а на халате ползуют вши вследствие чего больной вынужден ее гнать из палаты в шею» [3, л. 27–27 об.].

Аналогичные примеры встречаем в жалобе из ЭГ № 2684 (1944 г.): «Баня отсутствует, раненые лежат в грязном беле, небритые... В уборной редко убирается, там всегда полно грязи нечистоты выносятся больными в палаты, на постели, так как обуться не во что» [2, л. 44].

Серьезные проблемы в материально-техническом и санитарно-хозяйственном обеспечении даже на заключительном этапе войны находили свое отражение не только в жалобах, но и в делопроизводственной документации руководства госпиталей, органов власти и общественных организаций. К примеру, в 1945 г. начальник ЭГ № 1649 м-р м/с А. Н. Губанов в своем отчете констатировал, что серьезные перебои в продовольственных поставках стали наблюдаться еще с середины 1942 г. Особенно тяжелым в продовольственном отношении стал 1943 г., когда госпиталь получил лишь 60 % от необходимого количества картофеля, соленых и квашеных овощей [5, л. 10–11].

Крайне острой на всем протяжении войны оставалась **проблема недостаточного снабжения госпиталей топливом** (особенно с точки зрения завоза дров на территорию госпиталей), вызванная нехваткой транспорта и дальностью расстояния заготовок. Так, к 15 ноября 1944 г. в госпитали было доставлено 57 % дров, из которых значительная часть уже была израсходована, и на складах оставалось лишь 20 % годовой потребности [6, л. 537].

Негативное влияние на работу госпиталей оказывали **периодические перебои в электро- и водоснабжении**. В частности, 28 октября 1944 г. начальник отдела эвакуогоспиталей (ОЭГ) Пензенского облздравотдела Лимановский докладывал первому секретарю обкома ВКП(б) К. А. Морщину: «В течение последнего времени, ввиду систематического отсутствия электроэнергии в эвакуогоспитале № 1648 и 1649 и частично в Э/Г № 3530 – лечебный процесс резко нарушается...» [6, л. 440]. В решении Пензенского областного комитета помощи раненым от 1 ноября 1944 г. отмечалось: «...по многим госпиталям не полностью выполнен план заготовки дров... снабжение госпиталей водой и электроэнергией до сих пор производится с перебоями. Санитарное состояние эвакуогоспиталей № 2738, 2917, 2787, 3567 – неудовлетворительное, особенно ЭГ № 2738, 2917» [7, л. 10, 12].

Некоторые из вышеозначенных проблем в совокупности вели к возникновению **недочетов санитарно-гигиенического характера**. Так, эпидемиолог Е. В. Орлова, обследовавшая ЭГ № 1649 15 июня 1944 г., писала: «В уборной 2-го отделения... дезинфекция не производится, из-за недостатка дезсредств» [8, л. 2]. По итогам проверки жалобы из ЭГ № 3567 начальник ОЭГ Лимановский в докладе зам. наркому здравоохранения РСФСР А. И. Жичину от октября 1944 г. подчеркивал: «Из-за отсутствия электро-энергии имеется копоть от коптилок загрязняющая белье» [2, л. 46].

И без того сложное положение дел усугублялось мелкими и средними хищениями со стороны работников госпиталей. Несмотря на то что эта

проблема нашла единичное отражение в жалобах [2, л. 3, 4], официальные документы свидетельствуют о ее распространенности. По данным Пензенского облздравотдела, общая сумма недостачи и хищения материальных ценностей с начала войны и до конца 1945 г. составила 1379 руб., или 0,17 % к сумме основных средств госпиталей. Только за 1944 – первую половину 1945 г. к уголовной ответственности за соответствующие преступления было привлечено 297 человек [9, л. 20, 25].

Важный кластер в жалобах составляли вопросы **качества лечения, халатного отношения со стороны медперсонала, несоблюдения врачебной этики**. В этом контексте важно сказать, что для раненых, в том или ином объеме утративших трудовые функции, жалобы представлялись последней попыткой изменения ситуации, «последним криком о помощи». В этом плане обращает на себя внимание жалоба 11 раненых, переведенных из ЭГ № 1648 (Пенза) в ЭГ № 1650 (Пенза) для дальнейшей эвакуации по месту жительства вследствие полной утраты зрения. В октябре 1944 г. заявители писали военному прокурору Пензенского гарнизона: «Мы никакого лечения не получаем, ибо специалиста-глазника здесь нет, вследствие чего каждого из нас ждет трагический исход – полная потеря зрения. Возмутительное бездушное отношение и со стороны командования госпиталя к нам защитникам Родины и нашим требованиям дать лечение, никаких мер не принимают». Несмотря на всю трагичность ситуации, проведенная по факту жалобы проверка подтвердила правильность поставленных диагнозов и невозможность восстановления зрения [2, л. 48, 50].

Очевидно, что в подобных ситуациях даже мелкие недоработки медперсонала могли роковым образом повлиять на здоровье пациента, привести к депрессивному состоянию, появлению ложного чувства безысходности и, как следствие, потере интереса к жизни. Так, управленческая документация ОЭГ Пензенского облздрава свидетельствует о случае суицида, совершенного пациентом ЭГ № 2774 (Кузнецк) в 1941 г. В документе подчеркивается, что бритва, ставшая орудием самоубийства, оказалась у раненого в результате недосмотра обслуживающего персонала [10, л. 96].

При этом нельзя не отметить, что показатели лечебной работы пензенских эвакогоспиталей были ничуть не хуже, чем у госпиталей других регионов Среднего Поволжья. Так, процент возвращенных в строй и направленных в отпуск от числа всех находящихся на лечении в Пензенской области составил 66,9 %, в Саратовской области – 61,8 %, в Чувашской АССР – 64,1 %, в Куйбышевской области – 67,5 % [11, с. 66].

Нарекания раненых вызывал и **низкий уровень организации досуга, отсутствие культурно-массовой и политической работы среди раненых**. В качестве примера приведем коллективную жалобу пациентов ЭГ № 4402 (Земетчино) (ориентировочно от сентября 1944 г.): «...работа культурного обслуживания раненых больных поставлена плохо. Больные не имеют ни газет, ни шашек, домино, музыкальных инструментов. Нет уголка – больные сидят на земле, возле здания госпиталя – скамеек нет» [2, л. 61, 63].

Такие недочеты отражались и на общем уровне **воинской дисциплины раненых**, что также было поводом для недовольства. Особое внимание на себя обращают направленные в 1944 г. сообщения из ЭГ № 3657. Из объяснительной записки начальника госпиталя известно, что нарушение дисциплины солдат здесь выражалось не только в самовольных отлучениях, но и

в таких поведенческих девиациях, как хулиганство и кражи. Некоторые раненые, «неподдающиеся влиянию, убеждению и предупреждению», были привлечены к уголовной ответственности: «...осуждены... [раненые] А. к десяти годам... и К. к восьми годам тюремного заключения» [2, л. 25–25 об.].

Согласно письмам раненых и больных военнослужащих существовали также серьезные проблемы с **поведением и моральным обликом руководящих кадров и рядового медперсонала**. Рассмотрим письма из того же ЭГ № 3567. К примеру, в ноябре 1944 г. раненый сержант А. И. Козик направил жалобу в Наркомздрав РСФСР: «Ежеминутно слышится мат не только среди больных, а даже другая сестра и нянечка знает такую оксиому мата, что проста волос становится надыбы» [2, л. 55]. О вопиющем, однако непроверенном факте одиозного поведения говорит анонимка другого раненого: «В госпитале № 3567 в с. Лунино начальник угрожая револьвером раненому больному, грозил его застрелить, схватил зашиворот и тянет как собаку из палаты и распоряжение сестре снять ранбольного с довольствия, раздел и выгнал из корпуса... Вот как начальник госпиталя проявляет свою воспитательную работу с ранбольными, частенько с револьвером в руках» [2, л. 65].

Подобное поведение было свойственно сотрудникам и служащим не только этого эвакуогоспиталя. К примеру, пациент ЭГ № 1648 г. в 1945 г. писал: «...сестра Ч. занимается нехорошими делами. Устраивает ночные свидания с ходяч. больными, уходит с ними из палаты, а раненые больные, которые лежат, остаются на произвол судьбы» [3, л. 31]. Конечно, истинность подобных заявлений вызывает множество сомнений. Однако наводит на размышления известный из записки начальника госпиталя от 20 июня 1945 г. факт того, что сестра Ч. в итоге была «снята с работы по несоответствию» [3, л. 31].

На актуальность подобных проблем указывают и другие материалы. Так, работники пищеблока сердобского ЭГ № 5904 в жалобе, направленной на имя начальника облздравотдела в январе 1944 г., выдвигали в отношении начхоза Ж. следующие обвинения: «...систематически пьянствует, отношение к подчиненным чрезвычайно грубое... На назначенное собрание... не явился, так как он в селе Пригородном всю ночь пьянствовал» [2, л. 4]. В результате проведенной ОЭГ проверки указанные факты нашли подтверждение и стали поводом для скорейшего увольнения начхоза [2, л. 3].

Вопросы воинской дисциплины не раз поднимались на совещаниях комиссаров госпиталей при военном отделе Пензенского обкома. В частности, в ходе совещания 29 мая 1942 г. было замечено: «Дисциплина ранбольных в госпиталях не совсем хорошая, вернее сказать невоенная. Нарушается дисциплина по разному: отлучки, в связи с этим пьянки, нарушение внутреннего распорядка госпиталя. Врачи относятся к ранбольным бойцам, как к больному, а не как к военнослужащему» [12, л. 12 об.].

Как видим, жалобы, являясь пассивным проявлением социального недовольства, достаточно активно использовались пациентами госпиталей для решения насущных проблем и удовлетворения потребностей в благах медицинского назначения. В этом отношении обращают на себя внимание весьма высокие ожидания раненных, связанные с их представлениями о справедливости, своей роли защитника Отечества, обязательствах государства и др., которым вполне соответствует и стилистика языка жалоб: «Мы

сражались за Родину честно, потеряли кто обе, кто одну ногу, но мы [не] получали заботы о нас, о наших незаживших ранах в этом госпитале. Просим Наркомздрав РСФСР обратить на это заявление большое внимание или устранить безобразия или убрать отсюда госпиталь» [2, л. 47 об.].

Анализ материалов жалоб позволяет констатировать то, что серьезные надежды раненых на локальную социальную справедливость могли определяться следующим:

– во-первых, ярко демонстрируемым в текстах жалоб высоким уровнем доверия к вышестоящим и контролирующим органам. Это убеждение подкреплялось официальными агитационно-пропагандистскими декларациями и лозунгами, которые содержатся, например, в газетной периодике: «Первая забота – о раненых!», «Женщины-санитарки, медсестры, врачи!.. от вашей работы зависит жизнь и возвращение в строй раненых советских воинов! Женщины и девушки!.. Обеспечьте уход за ранеными..!» и др. [13, 14]¹. При этом важно сказать, что заявители по большому счету дают неодобрительную оценку деятельности и поведению непосредственного госпитального начальства, порой обвиняя его не только в бездействии и халатности («Просим Вас, т. Нарком устранить эти недостатки, так как начальство госпиталя выявило свою беспомощность» [2, л. 15, 16]), но и в значительных нарушениях («С револьвером в руках надо бы начальнику госпиталя гонять немецких захватчиков, а не раненых больных» [2, л. 65]);

– во-вторых, возможностями прямого обращения в общесоюзные органы, к высшему руководству страны, что резко повышало вероятность добиться большего эффекта. Так, адресатами львиной доли изученных нами жалоб являлись отраслевые органы в области здравоохранения (Наркомздрав СССР, Главное управление эвакогоспиталей Наркомздрава СССР, Наркомздрав РСФСР, отдел здравоохранения Пензенского облисполкома, отдел эвакогоспиталей Пензенского облздравотдела), Верховный Совет СССР и лично М. И. Калинин, правоохранительные органы (Военная прокуратура Пензенского гарнизона). Однако центральные органы, согласно действующим инструкциям, передавали жалобы на рассмотрение в нижестоящие инстанции. Как правило, конечным пунктом этой бюрократической вертикали становился ОЭГ Пензенского облздравотдела, начальник которого занимался непосредственным рассмотрением жалобы и выносил решение по ней.

Значительная часть жалоб направлялась ранеными в редакцию областной газеты «Сталинское знамя» и центральные газеты. Но такие попытки предания широкой огласке изъяснов госпитальной жизни, как правило, успеха не имели. В силу идеологических и цензурных ограничений гневные сообщения бойцов оставались не опубликованными и также «спускались» в местный ОЭГ. Проведенный анализ материалов газеты «Сталинское знамя» военного периода позволяет утверждать, что госпитальная проблематика вообще являлась относительно закрытой темой в информационном поле газетного курса. Малочисленным публикациям данного блока были свойственны односторонность подачи информации и ее исключительно позитивный тон [15].

Несмотря на то что рассмотрение жалобы после ее передачи в нижестоящую инстанцию сопровождалось последующим проведением расследования

¹ О Международном коммунистическом женском дне – 8 марта : постановление ЦК ВКП(б) // Правда. 1943. № 63 (9199). С. 1.

или внеплановой проверкой, имели место случаи, когда рассмотрение жалоб и принятие мер затягивалось. К примеру, 9 февраля 1945 г. редакция газеты «Сталинское знамя» направила на имя начальника ОЭГ облздравила запрос следующего содержания: «С I/IV прошлого года мы не можем добиться от Вас ответа о принятых мерах по жалобе раненых бойцов госпиталя № 2916. Проверен ли Вами факт присвоения администрацией госпиталя продуктов подаренных раненым Пачелмскими колхозниками. Если факт верен, то привлечены ли к ответственности виновные?» [3, л. 9].

Неудивительно то, что даже в случае проведения проверки ее результаты и принятые меры не всегда соответствовали ожиданиям заявителей.

Во-первых, факты, изложенные в жалобах, порой не находили реального подтверждения. Здесь следует учитывать несколько обстоятельств:

1. Жалоба являлась результатом субъективного восприятия и осмысления произошедших событий, непосредственно волнующих раненого; а в ситуации с коллективными жалобами – коллективным обобщением индивидуальных когнитивных репрезентаций. Кроме того, содержание обращений нередко было обусловлено или вовсе было детерминировано психоэмоциональным состоянием жалобщика на момент составления обращения, что не могло не привести к излишней драматизации и раздутию проблемы.

Одним из примеров этого положения является жалоба пациента ЭГ № 2741 (Нижний Ломов) старшего лейтенанта Т., который даже после признания им факта нарушения правил внутреннего распорядка госпиталя продолжал настаивать на необоснованности лишения его месячного отпуска: «[Я] на фронтах Отечественной войны с ноября 1941 года. Вырос из рядового в лейтенанта, из комсомольца до члена ВКП(б)... награжден Орденом Отечественной войны II степени. И считаю что я не преступник и лишити отпуска даже с учетом моего здоровья, считаю неправильным» [2, л. 40–40 об].

2. Нельзя не учитывать субъективную составляющую в оценке предмета жалобы инспектором или проверяющим, а также полностью исключать возможное стремление госпитального руководства представить реальное положение дел в лучшем свете за счет намеренного сокрытия негативных явлений, хотя в процессе архивного поиска нами все же не были выявлены сведения, напрямую доказывающие это.

Во-вторых, подтверждение изложенных в жалобе фактов нарушений и признание проблем руководящими органами на практике еще не означало, что их полностью решали.

Конечно, в отношении виновных лиц, в зависимости от тяжести нарушения, применялись различные меры ответственности: от дисциплинарной до уголовной. Например, в августе 1944 г. после подтверждения факта невнимательного отношения одного из врачей ЭГ № 2741 к раненым последний был переведен с должности начальника 3-го отделения на должность ординатора 4-го отделения госпиталя с объявлением строго выговора [2, л. 33]. 12 октября 1944 г. народный суд 1-го уч. Земетчинского района за систематические опоздания на работу без уважительных причин и появление на работе в нетрезвом виде приговорил бухгалтера ЭГ № 4402 к четырем месяцам исправительно-трудовых работ по месту работы с удержанием 15 % из зарплаты в доход государства [2, л. 53].

Вместе с тем на непосредственное решение проблемы могли влиять разного рода обстоятельства, как объективные, так и субъективные. К первым следует отнести то, что возможности руководства госпиталей во многом были ограничены реалиями военного времени, прежде всего недостаточным материально-хозяйственным обеспечением. Значительное преобладание писем из районных госпиталей косвенно указывает на то, что именно они испытывали наибольшие затруднения материального и санитарно-хозяйственного характера. Схожие выводы вытекают и из заключения уполномоченного СНК РСФСР п/п-к Маркина, проводившего совместно с представителями ОЭГ в октябре 1944 г. обследование ряда эвакуогоспиталей г. Пензы и области: «Если в городских э/госпиталях санитарное состояние и лечебный процесс поставлены вполне удовлетворительно, и хозяйственная деятельность удовлетворительно, то в районных э/госпиталях обнаружен целый ряд недочетов» [16, л. 52].

Субъективные же факторы определялись недобросовестным отношением отдельных руководителей, низким уровнем их компетентности и трудовой мотивации. На это еще в 1942 г. обращал внимание заместитель наркома здравоохранения СССР С. И. Миловидов: «Следует указать на недостатки в деле подбора руководящих кадров по эвакуогоспиталю. Некоторые наркомздравы союзных республик не всегда серьезно подходят к подбору начальников госпиталей... курсы повышения квалификации ЦИУ были укомплектованы только на 75 %. Пензенский и Горьковский облздрав отделы использовали свои места не полностью» [17, с. 19].

Необходимо заметить и то, что в условиях ограниченности ресурсов снижение остроты имеющихся проблем нередко требовало креативного подхода со стороны административных работников. Весьма интересен в этом плане опыт ЭГ № 1649. Здесь, например, с целью частичного разрешения проблемы нехватки постельного белья, госпитальной одежды и обмундирования была организована мастерская, в которой в разное время трудилось от 2 до 5 сапожников и портных. В порядке трудотерапии к работе привлекались и находящиеся на лечении красноармейцы [18, с. 171].

Итак, несмотря на порой крайне субъективный характер, систематизация и обобщение содержательного контента жалоб позволяют воссоздать первичный уровень реалий повседневной жизни тыловых госпиталей. «Голоса из хора» имеют достаточно высокую познавательную ценность и, безусловно, нуждаются в дальнейшей источниковедческой разработке. Важно учитывать и необходимость привлечения источников иной видовой принадлежности в целях обеспечения репрезентативности анализа и достоверности интерпретаций нарратива.

Список литературы

1. Горелов Ю. П. Жалобы раненых и дисциплинарные проступки персоналов госпиталей Кузбасса в годы Великой Отечественной войны // Вставай, страна огромная! : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 60-летию начала Великой Отечественной войны и битвы под Москвой (г. Кемерово, 20 декабря 2001 г.). Кемерово, 2001. С. 58–60.
2. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. Р-1320. Оп. 1. Д. 805.
3. ГАПО. Ф. Р-1320. Оп. 1. Д. 919.

4. Клинова М. А. Письма и жалобы в органы власти как источник изучения советской повседневности // Вестник архивиста. 2012. № 4. С. 300–305.
5. ГАПО. Ф. Р-1320. Оп. 1. Д. 892.
6. ГАПО. Ф. Р-1320. Оп. 1. Д. 795.
7. ГАПО. Ф. Р-1320. Оп. 1. Д. 770.
8. ГАПО. Ф. Р-1320. Оп. 1. Д. 790.
9. ГАПО. Ф. Р-1320. Оп. 1. Д. 893.
10. ГАПО. Ф. Р-1320. Оп. 1. Д. 285.
11. Томилов В. А. Медицина Среднего Поволжья – фронту. Пенза, 1999. 117 с.
12. ГАПО. Ф. П-148. Оп. 1. Д. 763.
13. Забота о раненом бойце // Сталинское знамя. 1942. № 35 (7560). С. 1.
14. Первая забота – о раненых // Сталинское знамя. 1943. № 18 (7851). С. 2.
15. Благодарность бойцов // Сталинское знамя. 1942. № 109 (7634). С. 3.
16. ГАПО. Ф. Р-1320. Оп. 1. Д. 788.
17. Миловидов С. И. Итоги и задачи работы эвакогоспиталей НКЗдрава СССР // Советское здравоохранение. 1942. № 5–6. С. 17–25.
18. Иноземцев И. Н. Некоторые вопросы материально-хозяйственного обеспечения эвакогоспиталей Пензенской области в годы Великой Отечественной войны (на примере эвакогоспиталя № 1649) // Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: в памяти народа, медиапространстве и оценках современных исследователей : сб. науч. ст. Всерос. конф. Пенза, 2021. С. 168–174.

References

1. Gorelov Yu.P. Complaints of the wounded and disciplinary offenses of the personnel of Kuzbass hospitals during the Great Patriotic War. *Vstavay, strana ogromnaya!: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 60-letiyu nachala Velikoy Otechestvennoy voyny i bitvy pod Moskvoy (g. Kemerovo, 20 dekabrya 2001 g.) = Get up, great country!: proceedings of the All-Russian scientific and practical conference, dedicated to the 60th anniversary of the beginning of the Great Patriotic War and battles near Moscow (Kemerovo, December 20, 2001)*. Kemerovo, 2001:58–60. (In Russ.)
2. Gosudarstvennyy arkhiv Penzenskoy oblasti (GAPO). F. R-1320. Op. 1. D. 805 = State Archive of Penza region. Fund R-1320. Item 1. File 805. (In Russ.)
3. GAPO. F. R-1320. Op. 1. D. 919 = State Archive of Penza region. Fund R-1320. Item 1. File 919. (In Russ.)
4. Klinova M.A. Letters and complaints to the authorities as a source of studying Soviet everyday life. *Vestnik arkhivista = Archivist's Bulletin*. 2012;(4):300–305. (In Russ.)
5. GAPO. F. R-1320. Op. 1. D. 892 = State Archive of Penza region. Fund R-1320. Item 1. File 892. (In Russ.)
6. GAPO. F. R-1320. Op. 1. D. 795 = State Archive of Penza region. Fund R-1320. Item 1. File 795. (In Russ.)
7. GAPO. F. R-1320. Op. 1. D. 770 = State Archive of Penza region. Fund R-1320. Item 1. File 770. (In Russ.)
8. GAPO. F. R-1320. Op. 1. D. 790 = State Archive of Penza region. Fund R-1320. Item 1. File 790. (In Russ.)
9. GAPO. F. R-1320. Op. 1. D. 893 = State Archive of Penza region. Fund R-1320. Item 1. File 893. (In Russ.)
10. GAPO. F. R-1320. Op. 1. D. 285 = State Archive of Penza region. Fund R-1320. Item 1. File 285. (In Russ.)
11. Tomilov V.A. *Meditsina Srednego Povolzh'ya – frontu = Medicine of the Middle Volga region – to the front*. Penza, 1999:117. (In Russ.)
12. GAPO. F. P-148. Op. 1. D. 763 = State Archive of Penza region. Fund R-1320. Item 1. File 763. (In Russ.)

13. Caring for a wounded soldier. *Stalinskoe znamya* = *Stalinskoye znamya*. 1942;(35):1. (In Russ.)
14. First concern is for the wounded. *Stalinskoe znamya* = *Stalinskoye znamya*. 1943;(18):2. (In Russ.)
15. Gratitude of the fighters. *Stalinskoe znamya* = *Stalinskoye znamya*. 1942;(109):3. (In Russ.)
16. *GAPO. F. R-1320. Op. 1. D. 788* = *State Archive of Penza region. Fund R-1320. Item 1. File 788*. (In Russ.)
17. Milovidov S.I. Results and tasks of the work of evacuation hospitals of the USSR Health Ministry. *Sovetskoe zdavookhranenie* = *Soviet healthcare*. 1942;(5–6):17–25. (In Russ.)
18. Inozemtsev I.N. Some issues of material and economic support of evacuation hospitals in Penza region during the Great Patriotic War (on the example of an evacuation hospital No. 1649). *Velikaya Otechestvennaya voyna 1941–1945 gg.: v pamyati naroda, mediaprostranstve i otsenkakh sovremennykh issledovateley: sb. nauch. st. Vseros. konf.* = *The Great Patriotic War 1941–1945: in the memory of the people, the media space and the assessments of modern researchers: proceedings of the All-Russian conference*. Penza, 2021:168–174. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Иван Николаевич Иноземцев

аспирант, ассистент кафедры истории России и методики преподавания истории, директор Музея истории педагогического образования, Пензенский государственный университет (Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: Kerskij@mail.ru

Ivan N. Inozemtsev

Postgraduate student, assistant of the sub-department of history of Russia and methods of teaching history, director of the Museum of the history of pedagogical education, Penza State University (40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 11.12.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 20.01.2022

Принята к публикации / Accepted 10.02.2022